

УДК 341.231.14:130.2 (476)

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Показана связь теории прав человека с ментальностью нации, историческим контекстом. Исследуется система приоритетов, на основе которых выстраивается та или иная система идей, связанных с правами человека. Обосновывается тезис, согласно которому концепция прав человека есть следствие господствующей идеологии, политической доктрины. Рассматривается специфика понимания философско-правовых проблем в Республике Беларусь.

Существуют вопросы, без ответов на которые любые рассуждения о правах человека будут как минимум ограничены. Например, это вопрос о пределах компетенции антрополого-правовой проблематики. Говоря проще, есть ли пределы (содержательные, формальные) наших словопрений по поводу проблемы прав человека или же они отсутствуют вовсе? Права человека «завязаны» исключительно на субъект либо же возможен большой диапазон взглядов и интерпретаций во внесубъектной сфере? Как быть с интерпретацией, например, гражданско-правовых проблем в условиях, когда сталкиваются атеистическая и теистическая точки зрения? Для примера вспомним известную полемику патриарха Алексия II в Страсбурге, когда его засыпали вопросами именно такого содержания. Евродепутаты интересовались, почему Русская православная церковь резко выступает против прав сексуальных меньшинств публично заявить о своем выборе в рамках шествий, демонстраций и проч. Логика вопроса проста: если права человека первичны и обладают абсолютным статусом, то с чем связано ограничение этого статуса как в правовой, так и в религиозной сфере? Надо согласиться с тем, что при такой расстановке акцентов отвечать на поставленный вопрос сложно. Но руководитель РПЦ нашел выход именно на пути решения вопроса о приоритетах, смысловых акцентах. Он говорил, что при такой постановке вопроса образуется ложная пирамида приоритетов, своего рода пирамида неверного мышления. Не права человека первичны, это ошибочная позиция. Первичны нравственные ценности, вне контекста личного выбора человека. «Не убий», «Не укради» и т.д. – вот максимы, которые должны быть поставлены прежде вопроса о правах человека. Решение нравственных проблем автоматически решит и проблемы, связанные с правами человека в сфере сугубо интимной. Естественно, в той или иной степени. К слову, сказанное означает, что акцент с проблемы прав человека переносится на этическую проблематику, и это, на наш взгляд, совершенно справедливо. Справедливо потому, что налицо многочисленные попытки политизировать проблему прав человека, превратить ее в систему взглядов определенного мировоззренческого толка, причем этот процесс зачастую носит агрессивный, а вовсе не «чисто правовой» характер.

Тут основной вопрос связан и с тем, что мы называем национальной ментальностью, сложившимися традициями. Надо ли «ломать» устоявшиеся стереотипы, даже если они противоречат тем ценностям, которые Запад давно объявил приоритетными? Вот, например, проблема смертной казни и известная полемика по этому поводу (суть которой общеизвестна). В Беларуси продолжается и соответствующая деятельность судов, и практика приведения приговоров в исполнение. И что, перед нами неразвитые

отношения, в том числе правовые? Что, нация «не созрела» до понимания священного характера человеческой жизни? Что, религиозные догматы избирательны и фактически дискредитируют эти самые догматы? Или все же имеет смысл поискать ответы на иных полях, в том числе правовых? Скажем, вспомнить историческую школу права, детально разработанную прежде всего в Германии с ее апелляцией к истории. Современные правовые приоритеты коренятся в истории не только потому, что перед нами та или иная конкретная национальная история. Дело в том, что мы генетически несем в себе все перипетии жизни прошлых поколений, и в каком-то смысле на данной конкретной земле живет фактически одно поколение. Здесь нет никакой мистики. Право приобретает те или иные конкретные формы вовсе не потому, что «плохой правитель», что «люди не проснулись», что они «не понимают добра» и тому подобные сентенции. Нет никакой мифологизации права в ситуации, когда выбор «за тебя» сделан всеми теми людьми, которые жили здесь раньше. Конечно, мы все готовы цитировать известный диалог Иешуа с Понтием Пилатом («твоя жизнь висит на волоске, философ, и я могу этот волосок перерезать») в известном романе М. Булгакова. Мы все преисполнены глубоким уважением к самим себе, когда понимаем истину: не ты выбрал эту жизнь, она тебе дарована. Но здесь же кровь напоминает нам, как к этой жизни относились в многочисленных войнах, как нас жгли в сараях и избах, и у самых мирных толерантных обывателей эхом отзывается в душе вечный призыв «кровь за кровь».

Что может быть дороже жизни? Сакраментальный вопрос. Но ведь альтернативы тоже известны. Дороже личной жизни – жизнь близких тебе людей. Сына, дочери, внуков. Многие выбирают идею, какой бы она ни была. Кто-то говорит о чести. Вспоминаю известный бунинский рассказ про офицера, жена которого уехала на юг с любовником, и, когда муж понял это, то застрелился. Попранное чувство чести дороже жизни. В студенческие годы думал: да застрели ты их обоих, а уже потом делай, что хочешь. А сейчас понимаешь: а что это изменит? Тебя уже фактически убили самим фактом измены, чего уж тут возмущаться. Так что разговоры про исключительность жизни как минимум могут быть оспорены, как максимум – отвергнуты.

Мы вообще уделяем недостаточно внимания именно философским аспектам многих правовых решений. «Чистая» теория права, юридический позитивизм, Ганс Кельзен и сегодня имеют массу приверженцев, и это понятно и оправдано. Что может быть проще: есть нарушение закона, есть кодекс, есть формальная логика с ее правилами дедуктивного (в частности) вывода, вспоминай Аристотеля – и с Богом, в судебный (нормотворческий, иной) путь. Прочь историю, прочь психологию, что уж тут говорить о философии с ее абстрактными поисками истины. А между тем решить многие правовые проблемы вне философского контекста достаточно сложно.

Во-первых, сложное отношение формируется к привычной формальной логике. Стали распространяться идеи, согласно которым это вообще атавизм, мышление должно быть свободным, предельно широким, а не догматическим и зашоренным [1]. Но если нет формальной логики, то есть что? Здесь требуется отдельный разговор; заметим лишь, что, как правило, можно отвергать формально-логические конструкции, активно используя эти самые формально-логические конструкции.

Во-вторых, привычным рационалистическим формулам в праве ищутся альтернативы неклассического мышления, причем здесь ощутимы и определенные позитивные наработки. Достаточно вспомнить в этой связи школу Санкт-Петербургского профессора А.В. Полякова и его феноменолого-коммуникативную методологию. Это в полной мере относится и к проблеме прав человека.

В-третьих, сама философия подвергается остракизму; достаточно вспомнить работы современных теоретиков, например работу Пола Фейерабенда «Прощай, разум» [2]. Возникает такое чувство, что данные и иные концепции, теории направлены чаще всего

не на формирование устойчивой, ясной, приемлемой системы знаний, сколько на разрушение стереотипов, где стереотипы вообще не имеют границ. Далеко не случайно единственно приемлемой формой выживания гуманитарного сектора знания вообще и права в частности все чаще объявляются различные интегративные теории права. Но сама по себе междисциплинарность не панацея, и исследователи это прекрасно понимают.

Если попробовать обобщить те или иные аспекты философского рассмотрения различных проблем, связанных с концепцией прав человека, то можно выделить следующие явления (процессы). Первое: важно понимать контекст, т.е. учитывать широкий спектр проблем различного характера. Когда мы говорим о контексте, то имеем в виду не только исторический или ментальный контекст. Речь идет о системе исходных посылок, связанных с важнейшими для данного конкретного социума явлениями, процессами. Для разных стран с разными историческими и иными традициями это будут разные явления. И критерий здесь один: закреплены, в том числе и в праве, те процессы, которые оставили жесткий след в душе народа, и те, которые помогли этому народу выжить. Собственно, объемы этих понятий пересекаются. Вот нашумевший Декрет Президента страны, названный людьми законом «о тунеядцах». Здесь не место для его конкретного разбора, обратим внимание лишь на тот аспект, о котором идет речь. Он что, случаен? Он что, не связан с общественными настроениями, пониманием ценности труда? Можно спорить о правовых технологиях, но нельзя возражать против закона в принципе. Еще вопрос: а не нарушаются ли этим Декретом права человека, например право ничего не делать, жить на сбережения и т.п. Да нет, ты можешь ничего не делать, только и общество стремится защитить свои права, права своих членов, и, разрешая реализацию права ничего не делать, требует компенсации тех же социальных льгот.

Второе: важно осмыслить иерархию приоритетов, связанных как с названными процессами, так и иными, например религиозными. Эта иерархия чаще всего дана нам сегодня опосредованно, в том числе и в действующем праве. Вот иногда можно услышать: данный нормативный правовой акт «не соответствует» неким идеальным представлениям, накопленному опыту (в частности западноевропейскому), присылаются в адрес МИДа или иных уважаемых органов требования «привести в соответствие» и т.д. Наверное, позицию тех, кто призывает «изменить», можно понять и надо учитывать в конкретных действиях конкретных стран. Но вот как изменить самих себя, если подобные изменения не вписываются в ту практику, которая имела и имеет место. Тут надо еще учитывать и формирующийся до сих пор характер элит. Когда появились, например, первые университеты в Беларуси, никто не забыл? А это ведь важнейший фактор становления не просто образовательного процесса, а нации в целом.

Надо упомянуть здесь и о том, что, говоря о проблеме прав человека в философском аспекте, мы говорим о конкретной эпохе, конкретном «срезе» времени. Нам сложно представить себе, что славянофилы и западники, например, обсуждали бы основные дефиниции этого феномена. И не потому, что люди той эпохи расходились во мнениях, а потому, что эти концепты не соответствовали их мировоззрению. При всей гениальности Владимира Соловьева мы не найдем в его работах обсуждения основных философско-правовых проблем, связанных с правами человека. Царство Божье на земле, Богочеловечество, оправдание добра и прочее – это было актуально и первостепенно. Для чего эта ремарка? Для понимания того, что «ткань» концепта «права человека» меняется с течением времени. Не меняются универсальные христианские (в частности) заповеди, но декларации о том, что быть должно в сфере прав человека, меняются вместе с характером эпохи. Сегодня достаточно много имеется дефиниций, которые в той или иной мере отражают требования правового характера к проблеме прав человека, однако надо помнить, что это дефиниции нашего времени, нашей эпохи, и они имплицитно несут все ее противоречия.

Третье: одно дело, если правовая система «заточена» на формальный характер законов, приоритет законов, сложившуюся веками кодификацию и дисциплинированность в части выполнения действующих нормативных правовых актов. Совсем другое, когда в основе – этические комплексы, рассуждения о «правде», «совести» и тому подобных вещах. Общеизвестно: вся национальная правовая традиция формировалась на основе именно такого, этического понимания приоритетов, и это никуда не ушло. Главный вопрос здесь вовсе не в том, что выбрать: выбор давно осуществлен, и не только нами. Главный вопрос связан с тем, насколько эффективна данная система приоритетов и каким образом сделать ее еще более эффективной.

Известно замечание Маркса о надстроечном характере права по отношению к экономическому базису. Существенных опровержений по сути этого тезиса до сих пор не последовало, разве что появляются теории, которые предлагают вместо «базиса» и «надстройки» иные категории, скажем феноменологические, синергетические и т.д. Или же в ходу интегративные концепции, где высказываются мысли о всеобщей связи явлений и процессов и важности объединить все известные подходы в новую логическую цепь приоритетов на основе новых же философских достижений (например, известный теоретик А.В. Поляков и его школа феноменолого-коммуникативного характера). А.В. Поляков отмечал, что «именно через свое ценностное наполнение и правовые нормы и правовые действия субъектов делаются сопричастными справедливости и получают моральное оправдание» [3, с. 22]. Но этот подход приемлем и при рассмотрении проблематики, связанной с правами человека. По большому счету речь идет о том, какие ценности лежат в основе существования конкретного социума, общества, а формализация этих ценностей в форме деклараций, призывов, норм имеет второстепенный характер. Другими словами, для развития теории прав человека важен и методологический аспект, обращение как к классикам жанра, так и современным теориям, а также формирование принципиально новых подходов. Один пример. Санкт-петербургский юрист И.Л. Честнов задается вопросом: «Универсальны ли права человека?» – и отвечает так: «Нет, не универсальны». Аргументы здесь известны: «Как невозможна общемировая цивилизация, так невозможен универсальный человек»; реалии конца XX – начала XXI в. «поставили под сомнение концептуальные основы, восходящие к эпохе Просвещения, на которой зиждется Всеобщая декларация прав человека» [4, с. 80] и т.д. Вывод ученого связан с тем, что многочисленные декларации о правах человека так и необходимо оценивать, именно как декларации, в которых излагаются с той или иной степенью убедительности общие принципы. На наш взгляд, этот вывод должен быть дополнен еще одним важным тезисом методологического характера: необходимы усилия обществоведов самых разных профилей на пути создания методологии нового качества и уровня, позволяющей рассмотреть (пересмотреть) те или иные узловые моменты и предложить новую концепцию (парадигму) знания, социального развития вообще, теории прав человека в частности. Нужен новый Маркс? Что ж, почему бы ему не появиться?

Философия прав человека немыслима без понимания важнейших тенденций в современной политике. Вот сегодня, например, США «ломают» привычную модель в понимании прав человека, заявляют, что выходят из Совета по правам человека при ООН. Это означает конец не только привычной либеральной концепции, которая господствовала последние десятилетия, речь идет о более существенных вещах. США и их нынешний руководитель пересматривают фактически все основные постулаты внешней политики: Европа должна сама платить по своим счетам, брать на себя большую ответственность за атлантическую солидарность, не ждать от Америки выполнения функции «ядерного зонтика» и многое иное. Исходные принципы политики и, следовательно, философии права стали иными. Главенствует национальный интерес, принцип целесообразности, но вовсе не идеология и сопутствующие процессы. Это, вообще-то, ситуа-

ция, которую еще не успели осмыслить. Главенствует подход, связанный с надеждой на временный характер новых веяний в американской политике, но весь вопрос в эффективности этой политики. Если Д. Трамп к новым выборам президента страны докажет эффективность своего подхода, то столь же существенным будет и понимание долговременности иных подходов в сфере прав человека. А это ведь не только «чистая» идеология, это существование многочисленных институтов, их финансирование и т.д. Другими словами, новая политика приведет к появлению новых доктрин и в сфере прав человека. Это будут неожиданные подходы, неожиданные явления, в основе которых не столько узлы идеологических противоречий (нынче все демократы, все за свободу и либеральную экономику), сколько признание одного центра силы в мире и ориентация на этот центр силы. Есть империя, у империи существует четкое и ясное понимание ценностей, весь вопрос заключается в степени следования этим ценностям и этим приоритетам. Станет меньше идеологической лжи, камуфлирования подлинных задач и стремлений, и сама философия прав человека станет фактором вовсе не первостепенным в отношениях между государствами, нациями. А это значит, что суть вопроса изменится мало, ведь «философия Бжезинского» и «философия Трампа» отличаются лишь по форме, по сути же это одна и та же философия.

Если разобраться, то что «не так» в деятельности Совета по правам человека с точки зрения США? Это то, что там «голосуют не так». США и Израиль несколько раз не находили понимания в Совете по поводу тех или иных своих действий. Во-вторых, это то, что в стране существует Конституция, которая регулирует все вопросы в сфере прав человека, и «надконституциональный» орган в этой ситуации не нужен. Далее: если страна и делает ошибки в сфере прав человека, то она сама и способна их исправить, без помощи «надсмотрщиков». То есть опять принцип целесообразности: нужен был США Совет по правам человека, они активно в нем участвовали; изменился вектор национальной политики – необходимость в такой деятельности отпала. Можно добавить, что этот шаг США носит локальный характер по отношению к общей тенденции, связанной с критическим отношением к ООН в целом.

Пожалуй, никогда ранее прагматический характер концепции прав человека не проявлялся так явно, как в современных условиях. Права человека – вовсе не идеал, не цель движения социума к некоему гармоническому состоянию. Права человека – инструмент, который либо соответствует господствующим тенденциям в национальной и мировой политике, либо не соответствует им. Концепцию (теорию) прав человека в этом контексте можно сравнить с судьбой марксистско-ленинской теории в нашей стране. Была эта теория провозглашена господствующей – мы ей кланялись и стремились соответствовать. Перестала таковой быть – ушла в тень, затухала, а в ряде случаев и вообще пропала.

Точно также и концепция прав человека: как только новый американский лидер стал исповедовать иную философию, философию прагматизма, целесообразности, национального и личного интереса, права человека потеряли свою великую идеологическую силу, и уже мало кто клянется ими в современном мире. Сила инерции присутствует, и только. Нет универсальных теорий, это аксиома. Но сколько же нашему поколению пришлось пережить в рамках давления этих самых теорий, и концепция прав человека здесь вовсе не исключение.

Надо признать: достаточно давно концепцию прав человека поняли именно в ее реальном виде – как инструмент политики. Да, существовали и существуют специалисты, которые превратили теорию прав человека в ремесло, видят в ней альфу и омегу современной политики, связывают с ней все свои политические надежды. Но для большинства было понятно: это орудие вторжения, способ навязывания иных, не национальных ценностей, и благородные идеалы Просвещения здесь имеют второстепенный

характер. Вспоминается в этой связи показательный анекдот. Иосиф Сталин как-то заметил: «Я всегда думал, что демократия – это власть народа. Но Франклин Рузвельт объяснил мне, что это власть американского народа». Точно также, перефразируя этот пассаж, можно сказать, что речь шла всегда о праве американского (западного) народа, но вовсе не о судьбах всех людей. Заслуга Д. Трампа в этом контексте проста: он назвал вещи своими именами. Он не мифологизирует, не освящает права человека. Да, их надо защищать, но во благо американского народа и на основе американской Конституции. Все предельно ясно и понятно. Но Трамп говорит и иное: каждая нация, государство вправе защищать свои ценности, свою Конституцию, и в этом его нужно поддерживать. Хотя, конечно, американский президент уверен в том, что его защита «правильнее», «долговечнее», «первичнее».

Даже сложно предположить, по какому направлению будет развиваться теория прав человека в ближайшем будущем. Возможно, это будет просто один из вариантов (частных, локальных) общей концепции формирования новой империи, призванной господствовать уже в XXI в. Возможно, эту теорию просто «забудут», а на ее место представят новые подходы, недостатка в которых не ощущается. Вполне может быть, появится новая философская доктрина, на основе которой будут пересмотрены все сопутствующие точки зрения, среди которых будет и философско-правовая. Однако скорее всего ее будут использовать в новом качестве в новых исторических условиях. Трансформируют, облагородят, придадут новые черты. Появятся новые гуру, изрекут новые вечные истины. А о старых забудут: зачем они в новом, лучшем из миров?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лепешко, Б. М. «Антилогика»: истоки и сущность / Б. М. Лепешко, А. Б. Лепешко // Соц.-полит. науки. – 2017. – Вып. № 3. – С. 31–35.
2. Фейерабенд, П. Прощай, разум! / П. Фейерабенд. – М. : Астрель, 2010. – 477 с.
3. Поляков, А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения / А. В. Поляков // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 4–23.
4. Честнов, И. Л. Универсальны ли права человека? / И. Л. Честнов // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 73–82.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.09.2018

Lepeshko B.M. Human Rights: the Philosophical Aspect

The connection between the theory of human rights and the mentality of the nation, historical context is shown in the article. The system of priorities, which is a foundation of variety of human rights systems, is discussed. The thesis, according to which the concept of human rights is a consequence of the prevailing idiology and political doctrine, is substantiated. The specificity of understanding of philosophical and legal problems in the Republic of Belarus is considered in the article.